ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Михаил МЕЛЬТЮХОВ
Александр ОСОКИН
Игорь ПЫХАЛОВ

Трагедия 1941

Причины катастрофы

Военно-исторический сборник

Владислав Гончаров

Трагедия 1941. Причины катастрофы (сборник)

«Яуза»

2008

Гончаров В. Л.

Трагедия 1941. Причины катастрофы (сборник) / В. Л. Гончаров — «Яуза», 2008 — (Военно-исторический сборник)

Новая книга проекта "Великая Отечественная катастрофа"! Самая откровенная и свободная дискуссия-без запретов и цензуры. Самые спорные гипотезы. Самые неожиданные мнения. Самые сенсационные выводы! Самые известные военные историки: М.Мельтюхов, И.Пыхалов, А.Осокин, А.Шубин, В.Гончаров и А.Морозов отвечают на самые главные вопросы отечественной истории: Что на самом деле произошло 22 июня на западных границах СССР? В чем причины разгрома Красной Армии? Кто виноват в Великой Отечественной катастрофе? Можно ли было предотвратить трагедию 1941 года?

© Гончаров В. Л., 2008
© Яуза, 2008

Содержание

М. И. Мельтюхов. Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня – 9 июля 1941 г.) 5
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Трагедия 1941. Причины катастрофы (сборник)

М. И. Мельтюхов. Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня – 9 июля 1941 г.)

Изучение начального периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. продолжает оставаться актуальной задачей российской исторической науки. Рассекречивание недоступных ранее фондов военных архивов позволяет ввести в научный оборот неизвестные ранее материалы о событиях начала войны. Большое значение для этих исследований, наряду с другими источниками, имеют документы политорганов и военной контрразведки, отражающие положение в Действующей армии.

Контрразведкой в Красной армии с декабря 1918 г. занимались Особые отделы ВЧК – ОГПУ – НКВД. Однако 8 февраля 1941 г. согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 278-131сс «О передаче Особого отдела из Наркомвнудела СССР в ведение Наркомата Обороны и Наркомата Военно-Морского Флота» в составе НКО и НКВМФ создавались Третьи управления, а в НКВД – Третий отдел, занимавшиеся контрразведывательной работой [1]. Однако в ходе начавшейся Великой Отечественной войны 17 июля 1941 г. согласно постановлению Государственного Комитета Обороны № 187сс Третье управление НКО вновь было переформировано в Управление Особых отделов НКВД[2].

Конечно, материалы военной контрразведки, как исторический источник, имеют ряд особенностей. Прежде всего следует отметить их критичность к описываемым событиям. Нацеленные на выявление и обобщение негативных фактов и явлений, органы военной контрразведки выполняли в Действующей армии функцию контрольно-надзирательного аппарата. Естественно, что в этих документах в наибольшей степени отразились именно негативные явления. Вместе с тем эти документы дают возможность ощутить основные тенденции в восприятии происходивших событий их современниками. Приводимые ниже выдержки из документов военной контрразведки позволяют показать основные проблемы, с которыми столкнулись советские войска в первые недели войны с Германией.

Для удобства восприятия эти материалы сгруппированы по следующим тематическим разделам. Первая подборка посвящена проблемам в советских ВВС, затем приводятся подборки сведений по сухопутным войскам Северо-Западного, Западного и Юго-Запад-ного фронтов за начальный период войны, хотя некоторые из этих документов и составлены намного позднее описываемых событий. Конечно, приводимые материалы не дают связной картины событий, это скорее мозаика отдельных эпизодов, описание которых также не следует воспринимать как истину в последней инстанции. Как и любой исторический источник, эти документы требуют критического отношения, но при этом являются необходимой частью всестороннего осмысления причин трагедии 1941 г.

---

[1] Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 3. Л. 114–119. Частично опубликовано: 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 598–600.

[2] 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 473–474.

* * *

В 3.15 утра 22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Стремясь захватить господство в воздухе, германские люфтваффе обрушили авиаудары по советским аэродромам, штабам, центрам связи и крупным населенным пунктам. Соответственно советские ВВС были вынуждены вступать в бой в условиях внезапного нападения. В результате к сложностям боевой обстановки в первые дни войны добавился целый ряд проблем, связанных с тыловым обеспечением авиации, организации ее боевой работы.

Наиболее важной проблемой **Военно-воздушных сил Красной армии** стали большие потери самолетов. Так, согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 35134 от 25 июня, на Северо-Западном фронте «наша авиация несет большие потери: было 880 самолетов, с 24 июня осталось в строю около 500. Самолеты выбыли из строя главным образом на аэродромах, по причине их скученности размещения, отсутствия нужного количества запасных аэродромов, площадок»[3].

25 июня 3-е Управление НКО направило в Главное управление политической пропаганды Красной армии копию спецсообщения № 2/35064, в котором сообщалось, что «в руководстве нечеткость мягкотелость. Настроение в штабе округа ПрибОВО нервозное, со стороны ряда руководящих работников проявляется неуверенность за создавшееся положение.

По состоянию на 24 июня с. г. от каждого полка авиации ПрибОВО в среднем осталось 10–20 самолетов. Во всей 7-й авиадивизии имеется около 60 самолетов, моторесурсы частей «СБ» в среднем ниже 50 %, боевых припасов авиации хватит на 1–2 суток только до 26 июня. По обещанному наряду подвозка боеприпасов авиации из Эстонии не обеспечивается из-за отсутствия транспорта. В связи с отходом частей недостает аэродромов, так как аэродромы в основном строились в юго-западных местах Литовской и Латвийской республик с расчетом наступления.

Настоящего руководства частями ВВС врид заместителем командующего ВВС генерал-майором авиации Андреевым и заместителем начальника штаба полковником Рассказовым не обеспечивается из-за отсутствия связи с некоторыми частями и командным пунктом фронта чувствуют отсутствие руководства и не распорядительность со стороны фронта сами надлежащих мер по бомбежке противника не организовали. Самолеты сидят на своих аэродромах, в результате большие потери на земле, из-за неорганизации выхода из-под удара противника»[4].

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 2/35552 от 28 июня 1941 г.: «Основные потери [7-й авиадивизии] относятся к 46-му СБАП и объясняются неорганизованностью и растерянностью со стороны командира полка майора Сенько и начальника штаба подполковника Канунова, приведшим при первом налете противника весь личный состав в паническое состояние.

За 22 июня 46-й СБАП потерял 20 самолетов, из которых 10 были уничтожены при налете противника на Шауляйском аэродроме, а остальные сбиты при выполнении боевых заданий по бомбардировке войск противника в районе Тильзит и ст. Киллен.

Три девятки самолетов 46-го СБАП на выполнение боевых задач были выпущены без сопровождения своих истребителей. Посты наблюдения были не организованы, связи с ними штаб полка никакой не имел и не знал о их существовании»[5].

---

[3] Российский государственный военный архив. Ф. 9. Оп. 39. Д. 98. Л. 163.

[4] Там же. Л. 263–264.

[5] Там же. Л. 272.

Кроме того, оказалось, что далеко не все важные пункты прикрыты ПВО. Например, 27 июня 1941 г. начальник 2-го отдела 3-го Управления НКО бригадный комиссар Авсеевич докладывал:

«Оборона объектов Двинского [Даугавпилского] гарнизона не обеспечена; железнодорожные узлы, мосты и склады зенитными точками не прикрыты и остаются уязвимыми для авиации противника.

Оставшаяся истребительная эскадрилья 49-го авиаполка, обеспечить охрану объектов от налетов противника не в состоянии.

Противник проявляет исключительное внимание к разрушению мостов, стремясь прервать источники обеспечения Двинского гарнизона с последующим его окружением.

Посты ВНОС работают плохо, путают передачу сигналов на командный пункт из-за чего 22 июня с.г. летный состав полка, дислоцируемого на аэродроме «Рэндэнэ» шесть раз поднимался в воздух по ложной тревоге, а при действительном нападении противника наши истребители, будучи не предупреждены, поднялись в воздух, когда противник уже бомбардировал окраины города.

Личный состав подразделений ПВО Двинска [Даугавпилса] не знает типы наших самолетов и, несмотря на хорошую видимость распознавательных знаков, подвергает их обстрелу, так 22 июня с.г. 6 самолетов «СБ» уходили с литовских аэродромов из-под удара противника через Двинск и были подвергнуты обстрелу, случайно не окончившемуся жертвами. […]

Такое же состояние противовоздушной обороны Великолукского аэродрома, где нет зенитных средств и истребительной авиации, хотя этот аэродром является узловым для транспортных самолетов.

Отсутствие средств ПВО аэродрома дает возможность безнаказанно появляться над городом вражеским самолетам, что имело место 25 июня 1941 г.»[6]

Согласно докладной записке № 03 от 28 июня начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионного комиссара Бабич, «авиационные части ВВС фронта, вследствие вывода из строя всех аэродромов на территории Литвы и большей части Латвии, передислоцировались в различные пункты аэродромов Псковского узла, однако, на 28 июня к 11.00 связи с авиаполками, управлениями 8-й, 7-й и 57-й авиадивизий не установлена и об их действиях ничего не известно. Поддерживается связь только с 6-й авиадивизией – гор. Рига, часть которой действует в районе Риги и направлениях 8-й армии. Количество боевых самолетов в ВВС, вследствие больших потерь на аэродромах, насчитывается 150–160 самолетов, из них истребителей около 100 штук. Отсутствие связи не дает возможности эти самолеты сконцентрировать в боевой кулак, и они разрозненны. Отдельные полки имеют по 6—10 самолетов.

Некоторые командиры авиаполков и авиадивизий, не получая приказов фронта, переезжают с места на место самостоятельно (7-я авиадивизия и 54-й СБАП) и этим еще больше вносят путаницу в отдачу им боевых приказов.

Командир 7-й авиадивизии полковник Петров с самого начала боевых действий все боевые вылеты организовывал по своему усмотрению, надлежаще боевыми операциями не руководил с самого начала. 19 июня Петров был предупрежден заместителем командующего ВВС по политработе о возможных военных действиях; ему был указан срок готовности к 3 часам 22 июня с.г. Петров к этому указанию отнесся крайне халатно. Не истребовал от командиров полков выполнения этого указания и полки фактически были противником застигнуты врасплох, в результате чего и были большие потери самолетов на аэродромах.

Командир 54-го СБАП майор Скиба боевыми вылетами руководит плохо, на аэродромах не бывает, приказания отдает из блиндажа, без всяких данных: «Идите бомбить – цель найдете сами».

---

[6] Там же. Л. 133–134.

На замечание, что без данных о противнике можно разбомбить и своих, Скиба отвечал: «Я ничего не знаю». В первой день войны отдал приказание поднять 3-ю эскадрилью и ждать дальнейших распоряжений в воздухе. Эскадрилья, вооруженная самолетами «Ар-2» и четырьмя самолетами «СБ», ожидала распоряжения в воздухе 1,5 часа, в результате чего боевое задание выполнить не могла, так как она всего может находиться в полете 3–4 часа. Самолеты «Ар-2» вынуждены были сесть на свой аэродром с бомбами, а звено «СБ», вылетевшее на боевое задание, после 1,5 часов пребывания в воздухе полностью погибло.

Эскадрилья майора Иванова, будучи подготовленной к ночным полетам, ночью не использовалась, и когда по этому вопросу Иванов обратился к Скиба, чтобы летать только ночью, Скиба ответил: «Нет такого приказа».

Сам Скиба на боевое задание не вылетал и прикрепленный к нему самолет передал другому летчику, так же поступил его помощник майор Леонтьев.

Перед базированием с одного аэродрома на другой Скиба, имея возможность вывозить ценное боевое имущество, бросал или уничтожал его.

По данному факту проводится расследование на предмет придания суду майора Скиба»[7].

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 37738 от 14 июля 1941 г., «оставшееся минимальное количество истребительной авиации ВВС Северо-Западного фронта из-за отсутствия сжатого воздуха для запуска моторов бездействует.

Бомбардировщики, посылаемые на уничтожение живой силы противника без прикрытия истребителей, несут большие потери как матчасти, так и летно-подъемного состава.

7 июля с.г. на уничтожение войск противника в районе гор. Остров вылетало 17 самолетов «СБ» 7-й авиадивизии без прикрытия истребителей, и ни один из них на свою базу не возвратился.

Всего в частях дивизии осталось 24 боевых самолета, остальная материальная часть уничтожена авиацией противника в большом количестве на аэродромах. […]

Эвакуация баз и частей от передовых линий фронта происходит не организованно, само командование проявляет панику, что вызывает большую потерю боеприпасов и других видов технического снабжения.

3 июля с.г. из района Опочка перебазировалась 110-я авиабаза 6-й авиадивизии, ответственные за погрузку инженер Кашиниен и помощник начальника штаба по тылу майор Шмелев, не имея взрывчатых веществ, оставили врагу 48 вагонов авиационных бомб.

6 июля с.г. 25-я авиабаза 8-й авиадивизии перебазировалась из местечка Карамышева, для перевозки грузов было подано 4 платформы, однако полковник Шевченко приказал запас бомб и горючего взорвать, имеющиеся 9 самолетов уничтожить, пулеметы ШКАС побросать в колодцы. Что и было сделано, а платформы и автотранспорт были использованы для перевозки личных предметов командования (мотоциклы, велосипеды, подбитые легковые машины).

Уничтожение материальной части, запасов горючего и авиабомб не вызывалось необходимостью, так как противник находился на большом расстоянии от места базирования, имелась полная возможность перевести в тыл.

13-я, 127-я и 206-я авиабазы при паническом бегстве большинство запасов оставили на территории, занятой врагом, не уничтожив боевого имущества.

Командир 127-й авиабазы старший лейтенант Четыркин на площадке Груджай оставил врагу 5 144 авиабомбы (разных марок), 442 500 винтовочных и авиационных патрон и 10 пулеметов ШКАС.

В Шауляе оставлено 18 вагонов авиабомб, 3 млн авиапатрон, несколько тонн бензина, продовольственные, вещевые и технические склады.

---

[7] Там же. Д. 103. Л. 86–87.

Отдел снабжения штаба ВВС фронта, возглавляемый военинженером 1 ранга Ивановым и интендантом 1-го ранга Лисянским, вопросами эвакуации боевого имущества по-настоящему не руководят, указаний авиачастям на случай отступления в части принятия мер с горючим и боеприпасами не давали. Посылаемые работники штаба в части для руководства эвакуацией практической помощи не оказывают.

Командированный из штаба в Шауляйский гарнизон военинженер Батаев вместо оказания практической помощи гарнизону в перевозке боеимущества заручился от командира базы Любогощева распиской, обязывающей последнего вывести все имущество.

Для уничтожения секретной и совершенно] секретной документации 10-го авиаполка и 206-й базы в г. Митава [Елгава] были посланы батальонный комиссар Маложин, старший политрук Барыбин и начальник общей части Кудрявцев, которые, перепоручив это задание младшему командиру и красноармейцам, занялись сбором личных вещей, в результате документация указанных частей в том числе и шифр при отступлении остались неуничтоженными.

ВВС фронта, потеряв свои базы, довольствуется снабжением боеприпасами, горючим и автотранспортом со складов ЛВО, запасы которых, будучи не рассчитаны на обеспечение двух фронтов, полностью запросы ВВС Северо-Западного фронта удовлетворить не могут»[8].

Ситуация для **ВВС Западного фронта** сложилась ничуть не лучше. Так, согласно донесению уполномоченного 3-го отдела 10-й смешанной авиадивизии Леонова от 27 июня, «в Вельском истребительном авиаполку за 2 часа до налета была тревога, и только разошлись по домам, как был произведен налет германской авиации.

На рассвете в воскресенье 22 июня германская авиация напала количеством в 100 самолетов на крепость, полигон и все места дислоцирования частей Красной Армии в гор. Бресте. Особенно точно германская авиация знала расположение наших аэродромов, которые были подвергнуты обстрелу из пулеметов зажигательными пулями, в результате чего в Брест – Кобринском направлении, которое прикрывалось 4 полками 10-й авиадивизии, находившимися: 123-й ИАП – в дер. Именины (г. Кобрин), 74-й ШАП – Малые Взводы (что в 18 км от границы), 33-й ИАП – гор. Пружаны и 39-й СБАП – гор. Пинск, германской авиацией подверглись почти что полному уничтожению на земле. Боеспособной матчасти осталось единицы. Характерно, что матчасть в этих полках, за исключением 39-го авиаполка, была не рассредоточена.

На Пинском аэродроме, где дислоцируется 39-й СБАП, эскадрилья самолетов Пинской флотилии, которая не была рассредоточена, подверглась полному уничтожению противником. Характерно, что объекты, расположенные ближе к германской границе, как-то: 74-й ШАП, 123-й ИАП подверглись более раннему нападению, чем 39-й СБАП, [но] не предупредили наши части, находящиеся в отдаленном месте от линии фронта, то есть от германской границы, в результате этого авиация противника уничтожила и эти, наиболее отдаленные аэродромы, путем обстрела из пулеметов.

Одновременно подверглись сильной бомбардировке военные городки и дома начсостава, в результате чего из крепости и полигона гор. Бреста осталось из состава семей и комначсостава незначительное количество людей, остальные все погибли в развалинах домов. Так, например, полковая школа в крепости г. Бреста была разрушена, никто из курсантов не мог спастись.

В гор. Кобрине много погибло в разрушенных домах начсостава и членов их семей штаба 4-й армии.

Из 472-го артполка спаслось 7 семей; из 48-го стрелкового полка спаслись 6 семей.

Склады бензина и боеприпасов 33-го И АП, 123-го ИАП, 39-го СБАП были уничтожены.

По 39-му СБАП, несмотря на то, что производилось 3 налета, не смогли отстоять и сохранить матчасть самолетов.

---

[8] Там же. Д. 99. Л. 376–379.

Летно-технический состав почти что не понес потерь, за исключением 74-го ШАП, о котором командование дивизии не имело никаких данных, так как связь с этим полком прервана, а самолетом У-2 установить связь было невозможно, так как налет авиации противника производился волной с кратким интервалом.

Несмотря на тяжелые потери матчасти самолетов по 10-й авиадивизии, оставшиеся 6 самолетов 123-го ИАП производили сильное отражение нападения ВВС противника, как на станцию, военный городок и гор. Кобрин.

При появлении эскадрильи самолетов противника количеством от 12 до 18 самолетов, наши летчики по 2–3 самолета 123-го авиаполка вылетали навстречу, принимали лобовой бой, сбивая по 3–4 самолета, обращали в бегство противника и не давали возможности производить дальнейшие разрушения.

Германские летчики одеты в гражданскую форму – в серые суконные мундиры однобортного фасона, брюки на выпуск такого же качества, как и френч, без всяких эмблем и пуговиц военного образца, фуражки с большими кожаными наушниками, в гражданских шелковых рубашках, кожаных желтых ботинках с толстой подметкой. Поверх всего этого одеты в серые летные комбинезоны. Одежда, видимо, служит для укрытия в случае вынужденных посадок.

Из числа убитых германских летчиков один был поляк, взятый в плен один летчик, также оказался поляком.

Такая же форма одежды была на летчике сбитого самолета близ Пинского аэродрома.

Германские летчики летают на самолетах чешского производства завода „Шкода“, имеют личное оружие „Парабеллум“.

Основной причиной, послужившей большому количеству потерь самолетов на аэродромах явилось то, что командование дивизии не рассредоточило мат-часть самолетов. Кроме того, налет был внезапным, и не была организована защита аэродромов от последующих налетов германской авиации после первого нападения.

Такой факт имел место в 39-м СБАП, где было 3 налета. В результате рассеянности командования и отсутствия приказа действовать, матчасть самолетов была уничтожена. Во время последнего налета вылетевший самолет „СБ“ сбил самолет противника „Ю-88“.

Зенитные пулеметы на аэродромах бездействовали. Пулеметы на уцелевших самолетах не были приведены в действие. Между перерывами налетов мер к спасению матчасти самолетов не предпринималось.

В первый же день военных действий весь летный состав был на аэродромах, ничего не делал, то есть не уходил в тыл и был в растерянности, в результате того, что нечем было воевать.

На аэродромах в основном велась подготовка к отражению предполагаемой высадки десантов. Запасы бомб, продовольствия, обмундирования в тыл не вывозились, бомбы не рассредоточивались.

С наступлением противника на авиагарнизон 123-го и 33-го ИАП запасы, видимо, не будут уничтожены, так как совершенно не организована эвакуация, бегут в беспорядке, то основное внимание этих гарнизонов будет сосредоточенно на спасении жизней семей.

Командование дивизии не планирует эвакуации военнослужащих и членов семей.

Настроение личного состава боевое, несмотря на то, что большие потери. Отсутствие матчасти самолетов приводит в отчаяние летчиков.

Самолеты противника в бой не вступают, всякий раз при появлении наших самолетов из боя выходят на больших скоростях. […]

Железнодорожная сигнализация (семафоры, стрелки) на всей магистрали от Кобрина до Гомеля и от Гомеля до Москвы не замаскированы, представляют хороший объект бомбардировки железнодорожных путей, что может нарушить коммуникации наших войск, а также служит хорошим ориентиром (маяками) в ночное время при полетах германских самолетов.

Германские самолеты по этой железнодорожной магистрали ночью ходят на высоте 400–300 метров с двумя сильно освещенными фарами (прожектора) и нащупывают наши эшелоны»[9].

Согласно рапорту начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара Лось от 13 июля, «в 3 часа 58 минут над Белостоком появились первые самолеты противника и вслед за этим начали бомбить белостокский аэродром, батальон связи армии, узел связи, железную дорогу и ряд других объектов. Одновременно бомбардировке подверглись почти все города и местечки, где располагались штабы соединений 10-й армии.

4-я бригада ПВО, прикрывающая Белосток, примерно до 8 часов утра бездействовала и ни одного выстрела по противнику не произвела. При расследовании выяснилось, что 4-я бригада ПВО имела специальное приказание от помощника командующего ЗапОВО по ПВО до особого распоряжения по самолетам противника не стрелять и это приказание было отменено уже командующим 10-й армией.

9-я авиадивизия, дислоцированная в Белостоке, несмотря на то, что получила приказ быть в боевой готовности с 20 на 21 число, была также застигнута врасплох и начала прикрывать Белосток несколькими самолетами «МИГ» из 41-го полка»[10].

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 37928 от 15 июля, «произведенным расследованием причин уничтожения фашистской авиацией всей материальной части в 41-м и 124-м ИАП 9-й смешанной авиадивизии установлено:

Командир 41-го авиаполка майор Ершов в момент налета самолетов противника утром 22 июня растерялся и не мог организовать личный состав полка для отпора противнику.

Несмотря на то что при первом налете фашистских самолетов на аэродром Сибурчин, где дислоцировался 41-й ИАП, противник не вывел из строя ни одного боевого самолета, так как все они были рассредоточены и замаскированы, Ершов не принял самостоятельных действий по нанесению решительного удара самолетам противника, ожидая указаний от командования 9-й АД.

Майор Ершов, имея в своем распоряжении боевой полк, вместо принятия решения действовать соединениями, высылал навстречу противнику по 1–2 самолета, которые уничтожались противником. Таким образом были убиты лучшие летчики полка – Солоха, Аксенов, Чернявский и подбиты – Крутоверец, Коробков, Кукушкин и Киселев.

Ершов, не имея необходимости перебазироваться с аэродрома Сибурчин, так как на этом аэродроме имелось все для ведения боя, принял решение перебросить полк на аэродром Курьяны, а затем вечером 22 июня перебазировался на аэродром Квартеры. Впоследствии вся материальная часть была уничтожена вследствие того, что самолеты на этих аэродромах не имели воздуха для заправки самолетов и патрон к пулемету БС, оказавшись небоеспособным.

Командир 124-го И АП майор Полунин к моменту военных действий находился в отпуску и прибыл в полк только днем 22 июня, когда противник уже совершил два налета на аэродром. После третьего налета самолетов противника, Полунин улетел на самолете УТИ-4, не дав никаких указаний.

Помощник командира 124-го И АП капитан Круглов, оставался за командира полка на время его отпуска, 22 июня утром при налете фашистский авиации растерялся и не принял решительных мер по борьбе с ней.

Все распоряжения Круглова носили неорганизованный характер. Самолеты выпускались в воздух не подразделениями, а одиночками, что не давало должного эффекта по отпору вражеским самолетам.

---

[9] Там же. Д. 98. Л. 243–249.

[10] Там же. Д. 99. Л. 331.

У большинства истребителей «МИГ-3» не стреляли пулеметы, так как бригада завода № 1 не успела отрегулировать их. Все это привело к тому, что все самолеты полка были уничтожены»[11].

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36701 от 5 июля, «службы ВНОС и ПВО по обороне Минска работали крайне плохо. В ряде случаев отсутствовала сигнализация и связь в момент появления самолетов противника. Зенитные батареи действовали беспорядочно. Когда одна батарея открывала огонь, то за ней открывали и другие, не зная, стреляют ли они по самолетам противника или по своим. За 23 июня нашими зенитными батареями во время обстрела повреждено 3 самолета «СБ». Имел место обстрел над своим аэродромом самолетов «СБ» 313-го отдельного разведывательного авиаполка, возвращавшихся с боевого задания, истребителями 163-го ИАП 43-й авиадивизии.

Это вызвало ряд отрицательных настроений среди личного состава полка.

Командир 6-й батареи в/ч 4229 7-й бригады ПВО младший лейтенант Чекуров в местечке Щучине после обстрела батареи с самолета противника бежал, оставив бойцов, которые затем также разбежались»[12].

Схожие проблемы встали и перед **ВВС Юго-Западного фронта.** Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 36137 от 1 июля, «несмотря на сигналы о реальной возможности нападения противника, отдельные командиры частей Юго-Западно-го фронта не сумели быстро отразить нападение противника.

В гор. Черновицах 21 июня с.г. летный состав был отпущен в город, вследствие чего истребительные самолеты не были подняты для отражения нападения противника.

Командир 87-го И АП и 16-й авиадивизии майор Слыгин и его заместитель] по политчасти батальонный комиссар Черный в ночь под 22 июня вместе с другими командирами пьянствовали в ресторане города Бучач. После получения телеграммы из штаба 16-й авиадивизии о боевой тревоге командование полка, будучи в пьяном состоянии, не сумело быстро привести в порядок полк.

22 июня в 5.50 над аэродромом появился немецкий бомбардировщик, который был принят за самолет командира дивизии. Ввиду этого он беспрепятственно с высоты 10–15 метров начал обстрел аэродрома и вывел из строя 9 самолетов.

Противовоздушная оборона была организована плохо. Зенитная артиллерия пяти бригад ПВО фронта и зенитных дивизионов, состоящая из 37-мм и 85-мм зенитных пушек, не имела к ним снарядов.

Бомбардировщики Пе-2 не могли быть использованы для выполнения боевых заданий, так как они вооружены крупнокалиберными пулеметами, к которым не было патронов. […]

Зенитная артиллерия 18-го зенитного артполка 12-й армии, охранявшая гор. Станислав от воздушных налетов противника, не имела 37-мм снарядов»[13].

Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 35303 от 26 июня, «по сообщению НКГБ УССР за первые 3 дня войны при 7 налетах на Киев зенитной артиллерией и авиацией в Киеве приземлен 1 самолет.

3-я дивизия ПВО к обороне не подготовлена. Полученные новые 85-мм зенитные пушки дивизией не освоены. Личный состав дивизии обучен на пушках 76-мм, которые с вооружения сняты, снарядов 85-мм недостаточно.

36-я авиадивизия вместо 240 самолетов имеет 90, из них только 8 самолетов обеспечены рациями. Патрулирование над городом не организовано.

---

[11] Там же. Д. 100. Л. 96–98.

[12] Там же. Д. 99. Л. 205–206.

[13] Там же. Д. 98. Л. 250–251.

Противник после разведки и бомбежки уходит безнаказанно, что отрицательно отражается на настроении населения.

Бомбежка ведется только по жизненным объектам.

25 июня противник шел крупными группами на малой высоте. Несмотря на интенсивный огонь зенитной артиллерии, разбомбил чугунолитейный завод «Большевик» и плавильную печь; на заводе № 43 разрушены электроцех, 4-й, 22-й и 25-й цеха и конструкторское бюро; на аэродроме гражданского флота уничтожено 6 самолетов гражданской авиации и 5 истребителей. Насчитывается около 50 человек убитых и 105 раненых.

Аэродромы окрестностей Киева забиты самолетами учебно-бомбардировочного типа и тяжелыми машинами, которые могут подвергнуться бомбардировке.

Требуется усиление обороны Киева 2 зенитными артполками, 18 пушками 37-мм, 81 пулеметом крупного калибра, одной авиадивизией и соответствующим количеством снарядов и патронов»[14].

Но больше всего проблем возникло со снабжением ВВС и ПВО Юго-Западного фронта снарядами и патронами. 24 июня 1941 г. заместитель начальника 3-го отдела КОВО сообщал: «Зенитные части обороны не имеют снарядов, в результате авиация противника ежедневно бомбит Луцк, Станислав. 40 000 снарядов находится на складе Нежин, около Киева. Командование приняло решение перебросить их вагонами, это займет 3 дня. Снаряды необходимо перебросить немедленно с самолетами, повторяю, немедленно самолетами»[15]. Оказалось, что 5-я бригада ПВО в Тарнополе, 186-й, 139-й, 563-й и 259-й отдельные зенитные артдивизионы Юго-Западного фронта, вооруженные «37-мм и 85-мм пушками, не имеют к ним выстрелов» и «необходима срочная отправка артвыстрелов на головные склады из центральных складов ГАУ»[16]. Даже 2 июля 1941 г. было «не налажено снабжение авиачастей КОВО вооружением и боеприпасами. Патронов БС в частях нет. 36-ю авиадивизию сильно лимитируют снаряды РС. В дивизию доставлены снаряды, система подвесков которых не подходит, переделать нельзя, а нужных нет. Артуправление КОВО обещает дать 300 шт. из Винницы, но оно не уверено в том, что снаряды будут пригодны»[17].

Кроме того, оказалось, что слабо отработано взаимодействие родов авиации и авиачастей разного подчинения. Результатом стали боевые столкновения между советскими самолетами. Так, 26 июня «начальник 3-го отдела Одесской военно-морской базы тов. Морозов сообщил, что 25 июня в 9 час. 25 мин. звено самолетов «СБ» 70-й авиаэскадрильи под командой командира эскадрильи майора Краснодарского, получив разрешение ПВО гор. Могилева о вылете, поднялось в воздух со своего аэродрома на выполнение боевого задания.

После первого разворота звено было обстреляно батальоном зенитной артиллерии, а затем атаковано истребителями ВВС ОдВО. В результате обстрела и атаки самолеты 1 и 2, пилотируемые летчиками Крамцовым и Земцовым, имея пробоины, сели на своем аэродроме.

Самолет № 4, пилотируемый командиром звена Ануфриевым, загорелся в воздухе. При посадке взорвались бомбы. Экипаж погиб.

В 9 час. 42 мин. при возвращении из разведки 2 самолетов «СБ-Р2» 82-й эскадрильи были атакованы истребителями ВВС ОдВО. Один из самолетов истребители заставили сесть в море»[18].

Схожая ситуация имела место и на Западном фронте. Как отмечалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 35753 от 27 июня, «из-за плохой организации связи тыла с передо-

[14] Там же. Л. 234–235.

[15] Там же. Л. 125.

[16] Там же. Л. 237.

[17] Там же. Д. 99. Л. 159.

[18] Там же. Д. 98. Л. 236.

выми линиями фронта, бомбардировочная авиация при возвращении с выполнения боевых заданий по бомбежке объектов противника, продолжает подвергаться нападению наших истребителей.

26 июня самолеты 96-го авиаполка Западного фронта, вылетевшие на боевое задание по уничтожению мотомеханизированных колонн и танков противника на минском направлении, в районе Меркулевичи были атакованы звеном наших истребителей «И-16», в результате чего самолет лейтенанта Донского был сбит, а ответным огнем бомбардировщиков сбит один самолет «И-16».

Этого же числа были атакованы нашими истребителями бомбардировочные самолеты 98-го авиаполка 52-й авиадивизии, возвращающиеся с бомбежки наземных войск противника. При атаке сбит самолет лейтенанта Гришина, в районе Могилева подбит и посажен самолет заместитель] командира 52-й авиадивизии майора Картакова.

Атаки своих истребителей вызывают панику среди летного состава бомбардировочной авиации»[19].

К сожалению, не был исключением и Юго-Западный фронт. Согласно спецсообщению 3-го Управления НКО № 36253 от 2 июля, «в частях 36-й авиадивизии Юго-Западного фронта продолжаются случаи обстрела своих самолетов, приводящие к потере материальной части и гибели летного состава.

26 июня за время с 15.00 до 17.00 были атакованы своими истребителями несколько групп самолетов «ДБ-Зф». В результате атак один самолет сбит и 6 самолетов посажены на разные аэродромы в районе Киева.

Неумением различить свои самолеты от самолетов противника и допущением указанных безобразных случаев особенно отличается 2-й авиаполк 36-й авиадивизии.

Младший летчик – лейтенант Зайцев атаковал самолет «СБ» 52-го СБАП. Летнаб легко ранен, самолет требует ремонта.

Командир эскадрильи этого же полка Солдатов со своими летчиками дважды обстреливал свои самолеты «СУ-2» и «Дуглас». Солдатов, прилетев на аэродром, доложил, что ясно видел кресты и свастику.

Летчик этого полка Барднер сбил самолет «ДБ-Зф». Самолет сгорел. Экипаж случайно остался жив.

Летчики 2-го авиаполка атаковали самолеты «ДБ-Зф», которые уже выпустили шасси. В результате один стрелок-радист убит, а на втором самолете стрелок-радист ранен.

26 июня в 10 часов самолетом «И-16» был атакован самолет «ДБ-Зф» 22-й авиадивизии, возвращавшийся после выполнения боевого задания. В результате летчик самолета «ДБ-Зф» легко ранен в руку, радист тяжело ранен, самолет сгорел.

Звено самолетов «ДБ-Зф», летя на боевое задание, в районе Сарны потеряло ориентировку. После разворота курсом на 90 градусов с выходом на Днепр для восстановления ориентира, звено было атаковано своими самолетами «И-16». Один из атакуемых самолетов «ДБ-Зф» был с бомбами, остальные два сбросили бомбы в неизвестном районе на своей территории.

Все три самолета «ДБ-Зф» повреждены, убит стрелок-радист младший сержант Гоберман»[20].

Подобные случаи имели место и в последующем. Так, например, согласно спецсообщению Особого отдела НКВД № 39778 от 4 августа, на Северо-Западном фронте «13 июля с.г. группа самолетов «ДБ-Зф» 53-го авиаполка 40-й авиадивизии 1-го авиакорпуса на маршруте полета на боевое задание в 19 ч. 32 м. в районе д. Никитинки Калининской области было 4 раза атаковано звеном истребителей «МИГ-3» 27-го ИАП.

---

[19] Там же. Л. 270.

[20] Там же. Д.99. Л.158–159.

В результате атак самолет «ДБ-Зф» пилотируемый лейтенантом Князевым был подбит, упал на землю и от взрыва загорелся. Командир экипажа лейтенант Князев сгорел, остальной экипаж спасся, получив легкие ранения.

Второй самолет «ДБ-Зф», получив пробоины бензобака и левой плоскости, вернулся на свой аэродром Будово. Стрелок-радист этого самолета младший воентехник Гаврин получил ранение в плечо.

Непосредственный виновник этого происшествия командир звена истребителей 27-го авиаполка младший лейтенант Карачевич, который ясно видел опознавательные знаки (звезду), все же атаковал самолеты «ДБ-Зф», открыв по ним стрельбу из пулеметов.

Свои действия Карачевич объяснил тем, что самолеты «ДБ-Зф» не отвечали на его сигналы покачиванием крыла, и он усомнился в принадлежности их к своим самолетам.

Материалы расследования переданы военному прокурору 24-й авиадивизии для предания суду Карачевича.

Этого же числа в 18 ч. 45 м. в районе дер. Дохославль, Калининской области, 5 самолетами «И-16» 29-го ИАП был атакован над своим аэродромом самолет «ДБ-Зф» 200-го авиаполка 40-й авиадивизии, возвращавшийся с боевого задания. Группой истребителей руководил командир 29-го авиаполка капитан Лешко.

При развороте самолета «ДБ-Зф» на посадку летчик истребителя Попов зашел ему в хвост и дал из пулемета две очереди, но, заметив опознавательные знаки, обстрел прекратил и пошел на снижение.

После этого капитан Лешко сам атаковал самолет «ДБ-Зф», открыв по нему огонь. Самолет ДБ-Зф выпустил шасси, пытаясь сесть на аэродром, но, не рассчитав посадку, ушел на второй круг.

Капитан Лешко вторично зашел в хвост самолету «ДБ-Зф» и, несмотря на сигналы ракетами, дал по нему еще три пулеметные очереди, после чего самолет «ДБ-Зф» загорелся. Из горящего самолета выбросились на парашютах стрелок-радист Петрачков и воздушный стрелок Полянцев. Капитан Лешко дал по ним очередь из пулемета, ранив их.

Самолет «ДБ-Зф» вместе с летчиком – старшим лейтенантом Новиковым и штурманом лейтенантом Быковым сгорел.

Материал расследования передан военному прокурору 31-й И АД для привлечения Лешко к уголовной ответственности»[21].

* * *

Нападение противника застало войска **Северо-Западного фронта** неготовыми к каким-либо немедленным военным действиям. Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/37155 от 8 июля 1941 г., «в дополнение к № 36833 от 7.07.41 г. сообщаем, что произведенным 3 отделом Северо-Западного фронта расследованием, факт отдачи приказания членом Военного Совета ПрибОВО Диброва в отношении разминирования минных полей и сдачи выданных личному составу патронов в частях 11 ск и 125 сд перед началом военных действий, подтверждается.

Расследованием установлено:

После получения Разведотделом данных о начавшейся концентрации немецких войск на наших границах, части корпуса начали минировать поля, раздавать боеприпасы личному составу, одновременно началась подготовка эвакуации семей начсостава.

21 июня с.г. к месту сосредоточения 11 [-го] стрелкового] корпуса приехал член Военного Совета ПрибОВО корпусной комиссар Диброва и приказал немедленно отобрать у бой-

[21] Там же. Д. 100. Л. 326–328.

цов патроны и разминировать поля, объясняя это возможной провокацией со стороны наших частей.

Начальник ОПП 125-й стрелковой дивизии Левченко дал объяснение Диброва о причинах эвакуации семей комначсостава, ссылаясь при этом на данные разведотдела о начавшейся концентрации войск противника на границах.

На объяснение Левченко Диброва заявил: „Хотя Германия и фашистская страна, но момент, когда они могут начать войну с СССР, еще не назрел, что у нас от страха расширяются глаза“.

После этого Диброва вторично приказал прекратить панику, отобрать у бойцов выданные патроны, разминировать поля, прекратить подготовку к эвакуации семей начсостава.

В этот же день 21 июня член Военного Совета 8-й армии дивизионный комиссар Шабалов телеграммой подтвердил приказание Диброва о прекращении подготовки к эвакуации. В результате этого в момент наступления противника семьи начсостава пришлось вывозить во время боя, при этом значительная часть семей погибла; личный состав дивизии был без боеприпасов и выдача их проводилась под артиллерийским огнем противника».

Правда, сам П.А. Диброва объяснял свои распоряжения тем, что «минированных полей не было, из-за отсутствия мин. Речь шла о подготовке к минированию полей (ямки), ссылаясь на указание командующего. Патроны дал указание отобрать и сдать на взводные пункты или отделений». Эвакуация же семей комначсостава была запрещена наркомом обороны[22].

22 июня 3-й отдел штаба Северо-Западного фронта сообщил, что «по непроверенным данным в тылу 128-й стрелковой дивизии имеются случаи кулацких выступлений местного характера. В 29-м национальном корпусе отмечены случаи боевого саботажа быв-[ших] офицеров Литовской армии. 3-м Управлением НКО СССР даны указания об их аресте»[23].

В столь же сложном положении оказалась и соседняя 48-я стрелковая дивизия. Как показало расследование причин ее разгрома, сообщенное в спецсообщении 3-го Управления НКО № 38186 от 18 июля, «командование дивизии, получив задачу сосредоточить свои войска на границе, вывело части дивизии почти неподготовленными для ведения боя с противником. Необходимый запас патронов и снарядов взят не был. Дивизия вышла к границе как на очередные учения, забрав с собой учебные пособия.

Кроме этого, к началу боевых действий дивизия не была отмобилизована даже по штатам мирного времени. Имелся большой некомплект командного и рядового состава и материальной части.

В таком состоянии дивизия к 22 июня сосредоточилась в 2 местах: стрелковые полки на немецкой границе, влево от г. Таураге, артполки и спецчасти за гор. Россиены [Расейняй], ввиду чего взаимодействие артиллерии с пехотой было невозможным.

Командование дивизии, находясь непосредственно на поле боя, 23 июня во время атаки немцев погибло. Были убиты: командир дивизии генерал-майор Богданов, полковой комиссар Фоминов, начальник штаба Бродников и ряд других командиров.

После того, как противник вывел из строя связь, дивизия совершенно потеряла руководство и стала отходить. Стрелковые полки, не имея между собой связи, дрались самостоятельно, пробиваясь из окружения.

Вместе с частями дивизии беспорядочно отступали строительные батальоны и отдельные группы бойцов 125-й стрелковой дивизии. Это вносило панику и дезорганизацию.

25 июня дивизия сосредоточилась в районе гор. Шауляй, где командование дивизией принял на себя заместитель] командира дивизии по строевой части полковник Мельников.

---

[22] Там же. Д. 101. Л. 328–329; Д. 105. Л. 55–56.

[23] Там же. Д. 98. Л. 174.

От гор. Шауляй к берегу Чудского озера отход частей 48-й стрелковой дивизии проходил исключительно неорганизованно. Командный пункт дивизии находился в отрыве от полков на расстоянии 50–80 км, никакой связи с полками не было. Пункты сбора и маршруты штаб дивизии с 25 июня по 4 июля не указывал, отдельные части совершали беспорядочные марши и блуждали»[24].

В ходе боев 22 июня 1941 г. противнику удалось не только оттеснить передовые части Северо-Западного фронта Красной армии от границы, но и разрезать советский фронт на стыке 8-й и 11 – й армий. Именно в эту брешь командование группы армий «Север» ввело части 4-й танковой группы, устремившиеся на Даугавпилс. Советское командование на несколько дней потеряло это направление из виду и появление немецких танков у города 26 июня оказалось совершенно неожиданным. К тому же, как сообщал 27 июня начальник 2-го отдела 3-го Управления НКО бригадный комиссар Авсеевич, «гарнизон г. Двинска [Дагавпилса] не обеспечен средствами обороны и на случай выброски десанта противником, отразить его нападение не сможет, так как в гарнизоне имеется только 150 винтовок, которыми вооружены курсанты ШМАС. Летно-технический состав вооружен пистолетами „ТТ“ и на весь состав имеется 50 гранат. Не обеспеченность гарнизона средствами обороны порождает паническое настроение у личного состава»[25].

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 35134 от 25 июня, «по сообщению 3[-го] отдела Северо-Западного фронта 24 июня 1941 г. противник продвинулся на Каунасском направлении на 80 км, направляя удар на северо-восток, и на Шауляйском направлении продвинулся на 60–70 км. Создается серьезное положение для 11-й армии и левого фланга 8-й армии.

Управление войсками от штаба фронта и ниже – плохое. Штаб фронта часто теряет связь с армиями. Радиостанции используются плохо.

В ночь на 24 июня с.г. противник занял Каунас. […]

Материальная часть артиллерии фронта выбыла в значительном количестве. Большая часть оставлена при отходе, например: 414-й гаубичный артполк 125-й стрелковой дивизии вывел из боя 2–3 орудия по причине убыли конского состава.

Снабжение боевыми припасами, особенно снарядами – плохое. Совершенно отсутствуют снаряды 85-мм, 37-мм, 107-мм, на исходе расход 122-мм и 155-мм.

Контрудар 12-го мехкорпуса 23 июня с.г. по существу сорван из-за отсутствия связи и контроля со стороны штаба фронта. После отдачи вечером 22 июня приказа на контрудар, штаб фронта в течение суток совершенно не имел связи с корпусом, не знал о подготовке к контрудару, самый ход контрудара, в результате корпус запоздал с атакой на 6 часов, удар наносил разрозненно и в целом – никакого результата от удара.

Части несут большие потери людьми и материальной частью, а пополнения их нет.

По предварительным данным 2-я танковая дивизия, действуя в направлении Россиена [Расейняй], подбила 40 танков и 18 орудий противника.

3-м отделом фронта для оказания помощи и улучшения связи, высланы в армию на длительный период из аппарата 3-го отдела фронта 35 оперативных работников.

Совместно с командованием организованы отряды заграждения для задержания самовольно оставляющих боевые позиции и для сбора блуждающих.

Организована борьба с проявлениями местного бандитизма»[26].

25 июня 3-е Управление НКО докладывало, что «3[-й] отдел штаба Северо-Западного фронта сообщил, что вследствие бомбардировок противником связь с войсками часто пре-

[24] Там же. Д. 99. Л. 370–371.

[25] Там же. Д. 98. Л. 133–134.

[26] Там же. Л. 163–164.

кращается. Восстановительные работы линии связи проводятся Наркоматом Связи очень медленно, войсковые же части в восстановлении постоянных линий не участвуют.

Охрана аэродромов, складов и войск от воздушного нападения противника организована слабо из-за недостатка зенитных средств, вследствие чего противник часто бомбит безнаказанно.

Медленно развертываются тыловые органы для обеспечения действующих войск, войсковые соединения несут потери, пополнения же не поступают.

Печатной пропаганды среди немецких солдат и немецкого населения фронтом не ведется»[27].

В 6.45 26 июня из Резекне в Москву поступило сообщение заместителя начальника 3-го отдела Северо-Западного фронта Асмолова, который информировал, что «положение в Прибалтике нашей армии требует немедленного вмешательства Главного командования и Центрального Комитета партии. Руководство фронта потеряло всякую связь с армией. Армия неуправляема, стихийно отходит, беспорядки.

Для выправления положения необходимо немедленно выделить авиасоединение для подкрепления, иначе грозит потерей основных сил»[28].

27 июня 3-е Управление НКО сообщало, что «положение на Северо-Западном фронте с начал военных операций и по настоящее время является исключительно тяжелым. Штаб фронта с 23 июня потерял связь со многими соединениями и частями, с 11-й армией в целом, по существу прекратил руководство ими, так как все попытки установить связь успеха не имели.

Основной причиной отсутствия связи является уничтожение ее авиацией противника, а также действием разрозненных диверсионно-повстанческих групп из числа лиц местных граждан, сочувствующих германскому национал-социализму.

По отдельным частям связь не была обеспечена вследствие недостатка телефонного кабеля, что привело в результате к отсутствию взаимодействия между родами войск (пехоты и артиллерии).

Как нами уже указывалось, авиация Северо-Западного фронта в первый день войны понесла большие потери боевых самолетов, уничтоженных противником на земле (из имеющихся 880 самолетов на земле было уничтожено 400).

В последующие дни – с 23 по 26 июня авиация противника, получив абсолютное превосходство в воздухе, безнаказанно бомбила наши войска, как на передовой линии фронта, так и в тылу, при этом значительно сказалось также отсутствие достаточных средств противовоздушной обороны.

Несмотря на героические усилия наших войск, в первый же день войны германская авиация, получив превосходство в воздухе, наносила значительные потери нашим войскам, которые пополнения не получали.

Полученное германскими силами превосходство в воздухе, применение значительных бронетанковых сил, действовавших во взаимодействии с авиацией, привело к перевесу сил противника над нашими войсками, в результате начался отход наших частей от занимаемых рубежей, который при отсутствии руководства с конца 23 июня стал принимать панический характер. Беспрерывные безнаказанные налеты авиации усложняли обстановку. Особенно сильной паничности подверглись понесшие большие потери части 11-й армии, в отношении которой штаб Северо-Западного фронта с 23 по 26 июня никаких сведений не имел.

Отдельные соединения 11-й армии, будучи окружены противником, были уничтожены почти полностью (5-я, 128-я стрелковые дивизии, 324-й отдельный зенитный артдивизион).

---

[27] Там же. Л. 165.

[28] Там же. Л. 2–3.

Потери также понес 12-й мехкорпус, который находится в окружении противника.

Паническое отступление приобрело особенно острый характер от распространяемых всевозможных провокационных слухов о действиях в тылу дивизий воздушных немецких десантов и диверсионных групп, которых во многих случаях фактически не было.

Штаб фронта, получая неправильные данные о воздушных десантах от разных случайных лиц, снаряжал оперативные группы для уничтожения десантов и при выезде на место зачастую сведения о десантах не подтверждались. Вообще до сегодняшнего дня нет подтверждения о высадившихся десантах и, по-моему, их и не было.

По пути отхода частей имели место случаи нападения из лесу отдельных бандгрупп и одиночек, что среди личного состава отходящих частей вызвало большую нервозность и усиливало паничность.

В связи с создавшейся тяжелой обстановкой на фронте – панического отхода наших частей 11-й армии, со стороны командования фронта и Политуправления принимались необходимые меры, путем посылки непосредственно в части отдельных руководящих лиц, но все это положения не выправило и обстановка на фронте к настоящему времени нисколько не изменилась»[29].

28 июня начальник 3-го отдела Северо-Западного фронта дивизионный комиссар Бабич направил в Москву докладную записку № 03, в которой сообщал, что «части Северо-Западного фронта под натиском противника продолжают отход. 26 июня части 8-й армии с боем, организованно продолжали отход на новый оборонительный рубеж. 10-й стрелковый корпус отошел за р. В[е]нта, 11-й стрелковый корпус – за Шаули [Шауляй]. Сведений о положении 12-го мехкорпуса и о его местонахождении не имелось, на радиовызовы штаб корпуса не отвечал.

В частях продолжает оставаться неблагополучное положение с боеприпасами. По данным артотдела 8-й армии в частях может находиться не более 1/4 бк всех выстрелов.

Боеприпасы со склада Линконган, откуда питались 11-й стрелковый корпус и частично 10-й стрелковый корпус, в течение 25 и 26 июня частью вывезены, а остаток, примерно 70 – 100 вагонов, подорваны.

По заявлению представителя Артуправления фронта, находившегося на командном пункте 8-й армии, 26 июня с.г. части армии должны снабжаться боеприпасами со складов гор. Риги. Отправление боеприпасов эшелоном из г. Риги по железной дороге считается рискованным, так как не исключена возможность бомбардировки его самолетами противника.

Такие рассуждения Артуправления губительно сказываются на ходе боевых действий, тем более что доставлять боеприпасы автотранспортом нет возможности, ввиду отсутствия его в частях и при штабе армии.

Через Военный Совет фронта нами принимаются меры к доставке боеприпасов в части различными путями.

Части фронта в результате непрерывных боев с противником потеряли большое количество материальной части. Так, например, в 125-й стрелковой дивизии по состоянию на 26 июня имеется 3 ПТО, 2 76-мм орудия, в 414-м легком артполку имеется 2 орудия, в 459-м гаубичном артполку – 18 орудий.

Командование фронта, армий, корпусов и дивизий не могут проводить свои мероприятия организованно, в результате чего появляются панические настроения и отпадает всякая возможность твердо осуществлять намеченные мероприятия. Так, например, 22 июня с.г. по просьбе командира 10-й стрелковой дивизии генерал-майора Фадеева командир 10-го стрелкового корпуса генерал-майором Николаевым было обещано дать 2 танковых батальона 23-й танковой дивизии.

[29] Там же. Л.283–289.

22 июня генерал-майор Николаев дал устное распоряжение командиру 23-й танковой дивизии полковнику Орленок предоставить 2 танковых батальона из своей дивизии в распоряжение командира 10-й стрелковой дивизии для поддержания пехоты при наступлении для нанесения контрудара противнику с его последующим уничтожением и занятием прежнего положения на госгранице.

23 июня командиром 10-го стрелкового корпуса было дано боевое распоряжение командиру 10-й стрелковой дивизии о том, чтобы во взаимодействии частей 10-й стрелковой дивизии с 2 танковыми батальонами 23-й танковой дивизии уничтожила бы наступающие части противника, восстановила бы ранее занимаемое положение с последующим нанесением контрудара противнику На основании боевого распоряжения командира 10-го стрелкового корпуса командованием дивизии было выработано боевое распоряжение частям о переходе в наступление при поддержке 2 танковых батальонов 23-й танковой дивизии.

Командир 23-й танковой дивизии полковник Орленок командиру 10-й стрелковой дивизии заявил, что он предоставит в распоряжение дивизии 2 танковых батальона к 5–6 часам утра 23 июня. В связи с этим все части были предупреждены о том, что наше наступление будет поддерживаться 2 танковыми батальонами, что воодушевило весь личный состав частей, с желанием уничтожить противника.

Наступление намечалось 23 июня в 6 часов утра. Командир 23-й танковой дивизии полковник Орленок не только не прислал эти 2 батальона к 6 часам утра 23 июня, но даже не счел нужным поставить своевременно в известность командира дивизии. Наступление было отложено до прихода батальонов. 23 июня полковник Орленок приехал на командный пункт 10-й стрелковой дивизии в 23 часа 30 минут и заявил, что командующий 8-й армии не разрешил ему дать 2 батальона танков для 10-й стрелковой дивизии и приказал ему выполнять первое свое приказание и что он в связи с этим не может дать этих батальонов. На самом деле эти 2 танковых батальона были присланы в распоряжение 10-й стрелковой дивизии и находились в районе Плунге и в течение полутора суток бездействовали. Но о наличии этих батальонов в районе г. Плунге командованию 10-й стрелковой дивизии известно не было. В результате чего наступление частей дивизии было сорвано, а танки в течение полутора суток находились в районе г. Плунге и бездействовали. Кроме того, 24 июня части дивизии отступали в направлении гор. Тялыная [Телыняй]. Красноармейцами, находившимися на охране командного пункта дивизии, было сообщено о наличии танков, идущих в направлении Тялыная.

Командование дивизии, зная, что дивизии никаких танков не придавалось, а танки 23-й танковой дивизии были приняты за танки противника, в результате чего создалось тревожное положение, что противник перерезал дивизии путь на Тялынай [Телыняй] и дивизия находится в окружении. На самом деле никаких танков противника не было, и это были 2 танковых батальона 23-й танковой дивизии. Наступление 23 июня для дивизии было самым удобным моментом, противник всего имел 2 пехотные дивизии и 2 дивизиона артиллерии и уже вечером 23 июня, по показаниям пленных, противник в нашем направлении подтянул еще 2 пехотные дивизии и несколько артполков и повел активное наступление.

Кем конкретно давалось приказание этим батальонам идти в распоряжение 10-й, стрелковой дивизии не установлено. Действия командира 23-й танковой дивизии, повлекшие за собой создание исключительно тяжелого положения для дивизии, являются преступно-халатными.

По данному вопросу проводится расследование, результаты сообщим дополнительно.

Командующий 8-й армии в связи с отходом частей и создавшимся критическим положением на участке 12-го мехкорпуса к исходу дня 25 июня (окружен противником) во избежание быть отрезанным в 1.00 26 июня приняло решение о перемене командного пункта. Организация эвакуации на новый командный пункт была проведена исключительно безобразно. Штаб

представлял из себя не организованную единицу, отходящую на новый командный пункт, а панически бегущую часть.

Приказание от эвакуации командного пункта было отдано в 1.00 26 июня с расчетом отъезда через 40 минут. Выделенные ответственными за эвакуацию подполковник Мамченко и военинженер 3 ранга Шишкин эту работу как следует не организовали, а превратили ее в панику. Машины для отделов под погрузку имущества и вещей организованы не были. Отделы самостоятельно захватывали машины и грузили свои вещи. Вся работа по эвакуации проходила в суете и беготне, в результате чего штаб вместо назначенного времени 1.40, выехал в 4.20. На месте старого командного пункта брошены: карта с обстановкой, инвентарь, легковая автомашина иностранной марки.

О месте нахождения нового командного пункта знал исключительно ограниченный круг лиц, которые выехали в эшелоне с командованием. Оставшиеся 2 эшелона место нахождения командного пункта не знали, в связи с чем долгое время путались по дорогам в его поисках. Основной состав штаба прибыл на командный пункт только в 13.00 26 июня, пробыв, таким образом, в пути 9 часов.

В результате такой неорганизованности и эшелонирование штаба в дневное время, эшелоны в пути следования подвергались бомбежке и пулеметному обстрелу с самолетов. Имеются потери среди красноармейского состава батальона охраны: убито 1, ранено 3 человека. Характерно отметить, что вся эти паническая эвакуация командного пункта происходила в то время, когда командный пункт находился в 30 км от линии фронта.

Быстрое продвижение мотомехчастей противника 26 июня с.г. создало угрозу г. Двинску [Даугавпилсу]. Для недопущения противника в гор. Двинск и на правый берег реки Двины, было принято решение взорвать два моста через р. Двину, однако в результате неорганизованности командования мосты не были взорваны, и противник, перейдя реку, 27 июня занял гор. Двинск. Через некоторое время наши части выбили противника из гор. Двинска. Под нажимом его наши части были вынуждены вновь оставить гор. Двинск, однако нахождение в городе использовано не было и мосты не взорвали, что дало возможность противнику выйти на правый берег реки.

Паникой перед противником заражены не только бойцы, но и большое количество командного состава. Так, например: пом[ощник] командира 459-го ГАП 125-й стрелковой дивизии майор Кондратюк Григорий Сергеевич, 1900 года рождения, член ВКП(б), в момент открытого немецкими войсками артиллерийского огня в 5 час. 30 мин. 22 июня самовольно уехал с огневых позиций. В 8.30 22 июня командиром ГАП на имя Кондратюка был отдан приказ об отходе 3-го дивизиона, но так как Кондратюка в расположении дивизиона не оказалось, приказ выполнен не был и дивизион успел вывести на новые огневые позиции только 8 орудий, оставив на месте много снарядов и продовольствия. Вернулся в часть 23 июня.

Материал о бегстве Кондратюка оформляется на арест и предание его суду Военного трибунала.

Командир 206-го автобата 125-й стрелковой дивизии капитана Старовойтов, член ВКП(б), с первого дня боя находится в тылу. Старовойтов во время бомбардировки гор. Таураге не обеспечил вывозку бензина и автомашин, а больше всего заботился о себе лично.

Начальник снабжения 125-й стрелковой дивизии майор Корнилков с начала военных действий на фронте не был. По заявлению капитана Сизова Корнилков отправлял семью и до сего момента в штаб не явился.

25 июня с переездом штаба Северо-Западного фронта с Поневежис на командном пункте по приказу командующего была оставлена опергруппа штаба во главе с заместителем начальника штаба по оперработе генерал-майором Трухиным.

Для охраны командного пункта в Поневежис в распоряжении генерал-майора Трухина были оставлены ПТО в составе 12 орудий, ПВО в составе 9 зенитных крупнокалиберных пулеметов и рота десантного батальона.

25 июня Трухин с командного пункта выехал, при чем подразделениям, охранявшим командный пункт, четких указаний им дано не было и отправка их к новому месту командного пункта организована не была, в результате Трухин, уехав на легковой машине, по существу бросил на произвол судьбы подразделения, которые растерялись в дороге и к новому месту командного пункта не прибыли.

Орудия ПТО, вследствие отсутствия для них тяги, были погружены на грузовые машины, которым Трухин дал приказание следовать за ним, но так как грузовые машины не могли успевать за легковой машиной, машины с орудиями по разным причинам отстали в дороге, и Трухин это оставил без внимания.

Трухин был вновь возвращен в часть для установления связи с ними. По полученным данным, он наткнулся на немцев и был убит»[30]. Однако, как позднее выяснилось, Трухин был ранен и попал в плен, где стал сотрудничать с немцами.

Согласно спецсообщения 3-го Управления НКО № 4/35820 от 29 июня, «3-й отдел Северо-Западного фронта сообщает: созданными заградительными отрядами по борьбе с бандитизмом, шпионажем и диверсией, а также по возвращению бежавших или потерявшихся на фронте свои части, проделано следующее: в районе гор. Крупишкис (Литовская ССР) частично ликвидирована кулацко-повстанческая банда, появившаяся 21 июня в составе до 100 человек. Арестовано 43 человека, в том числе 9 бойцов и 2 командира 29-го стрелкового корпуса, остальные из гражданского населения.

Военным Трибуналом дело было рассмотрено в ускоренном порядке, 27 человек приговорены к расстрелу, остальные 16 человек направлены в гор. Полоцк в центральную тюрьму.

Захвачены 3 человека парашютистов, сброшенных с германского бомбардировщика в районе г. Двинска. При захвате офицер Гельм оказал вооруженное сопротивление и убил одного активиста г. Двинска. На допросе Гельм заявил, что он, как немецкий националист и враг коммунизма, никаких показаний давать не будет.

Военным трибуналом Гельм приговорен к расстрелу»[31].

Как указывалось в спецсообщении 3-го Управления НКО № 4/36833 от 7 июля, «3-й отдел Северо-Западного фронта 3 июля с.г. сообщил следующие данные о положении в частях фронта:

В состав 27-й армии вошло 4 корпуса, личный состав последних колеблется от тысячи до полутора тысяч человек.

Входящие в состав 27-й армии соединения и части небоеспособны, так как потеряли материальную часть и людской состав.

О том, сколько убито, ранено, пропало без вести и разбежалось, ни одна часть не может дать точных данных.

Командование 27-й армии связь с корпусами только налаживает, обстановки на участке армии, наличие противника, его направление и приблизительный замысел не знает.

Борьба с танковыми и моточастями противника, а также с его авиацией, частями 27-й армии не ведется, вследствие полного отсутствия материальной части. На отдельных участках противника отбивают ружейным и пулеметным огнем.

Противник чувствует полную безнаказанность с нашей стороны, спускается над линией фронта и бреющим полетом обстреливает наши части, а также жителей в городах.

---

[30] Там же. Д. 103. Л. 80–87.

[31] Там же. Д. 98. Л. 290–291.

Отсутствие поддержки пехоты танками, авиацией и артиллерией вызывает недоумение у высшего комначсостава армий и отрицательные настроения у ряда неустойчивых командиров и бойцов.

Некоторые командиры оценивают создавшееся положение как предательство со стороны высшего командования, которое еще не раскрыто, и считают, что наша тактика – это тактика на подставку сначала пехоты, а потом танковых частей, не поддерживаемых пехотой и авиацией. Антисоветские элементы подогревают эти настроения и создают панику среди личного состава частей армии.

25 июня во время передвижения из г. Таллин в г. Шавли [Шауляй] для руководства боевыми действиями 11-й стрелковой дивизии и 180-й территориальной стрелковой дивизии части и командование 65-го стрелкового корпуса встретились на шоссе в 18 км от г. Митава [Елгава] с группой красноармейцев и командиров 11-й и 90-й стрелковых дивизий, беспорядочно отступавших с передовых позиций. Вместо принятия мер к задержанию потока отступающих войск и организации обороны командование 65-го стрелкового корпуса бросилось в бегство, внеся еще больше неорганизованности в отступление.

Связь с 11-й стрелковой дивизией и 180-й стрелковой дивизией штаб 65-го стрелкового корпуса не установил.

29 июня с.г. после обстрела колонны 65-го стрелкового корпуса бандитами паника увеличилась еще больше. В результате колонна 65-го стрелкового корпуса разбилась на две группы. Одна из них (штаб, часть 3-го отдела и комендантский взвод) двинулась по направлению к местечку Ваймут, и где находится в настоящее время, неизвестно. Вторая группа (123-й ОБС, часть саперного батальона и оперсостав 3-го отдела) двинулась по направлению г. Риги и через некоторое время присоединилась к 8-й армии.

Части 65-го стрелкового корпуса боя с противником не приняли в силу нераспорядительности и паники, созданной самим командованием корпуса, и рассеялись в разных направлениях; где находятся в настоящее время, неизвестно.

Часть 10-й стрелковой дивизии 28 июня начали отход в направлении г. Риги. По пути от Митавы [Елгавы] до Риги были отрезаны противником: 204-й, 48-й стрелковые полки, 30-й легкий артполк.

С утра 29 июня части 10-й стрелковой дивизии стали оборонять левый берег реки Западная Двина, отражая натиск противника.

Недостатком в боевых действиях частей 10-й стрелковой дивизии явилось отсутствие связи штаба дивизии со своими частями, действовавшими на правом и левом флангах. Стрельбу вели по карте без соответствующей корректировки, в результате меткость огня была низкая и часть снарядов попадала в расположение наших частей и их штабов.

Подходивший из г. Митава [Елгава] к г. Рига 30-й легкий артполк был принят за артиллерию противника, и по нему был открыт огонь. В свою очередь 30-й легкий артполк открыл огонь по г. Риге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.